

Вырезка из газеты **МОЛОДСЯ СТАЛИНЕЦ**

от **23 МАЯ 41** г.

Тбилиси

Газета №

Б Е Н Е Ф И С

Новелла

В драматическом театре только что закончилась репетиция. Группа артистов, беседуя, зашла в тенистый парк. Один из артистов, увидев старика, сидящего на скамейке, поклонился. Старик встал и, приподнимая шляпу, громко произнес:

— Гагимарджос, генацвале!

Актеры обратили внимание на старика. Трудно было представить более уродливую фигуру. Огромная голова срослась с плечами. Лицо обрюзглое. Тонкие, кривые ноги. Одет старик в ветхий плащ. На ногах дырявые галоши, перевязанные веревочкой.

— Вы разве не знаете этого человека? — сказал один из актеров, обращаясь к товарищам. Ведь это Гвади Какауридзе, знаменитый Гвади!

И актер рассказал давно забытую историю.

Лет тридцать тому назад Гвади был в расцвете своих сил. В городке Н. он содержал духан, гостиницу. Владел Какауридзе и большими виноградниками. От прихоти этого человека зависела судьба многих людей. В те годы я, начинающий актер, поступил в труппу нашего любимого Васо Абашидзе.

Труппа раз'езжала по городам. Вечер, надо выходить на сцену, а сам

с утра ничего не ел. Порой казалось, что труппа не просуществует и дня. Но мы любили театр. Актеры выносили на базар последние личные вещи, чтобы спасти спектакль.

Тяжелой была наша поездка в Н. За аренду помещения с нас взяли бешеную сумму. К концу гастроли задолжали за гостиницу, владельцем которой был Какауридзе. И вот тут-то мы столкнулись с Гвади. Васо просил духанщика поременить с оплатой. Гвади и знать не хотел. На ломанном русском языке он говорил:

— Кредит портит отношения, а я актеров люблю и не хочу с ними ругаться...

Много усилий потребовалось для того, чтобы уговорить Гвади подождать несколько дней. Но и через несколько дней положение наше не улучшилось. Даже на возвращение денег не было. И вот, посоветовавшись с нами, скрепя сердце, Васо опять пошел к Гвади. Перед духанщиком стоял не знаменитый артист, покоряющий зрителя своим актерским мастерством, а жалкий, униженный ударами судьбы человек.

— Пришел, а я думал пропали деньги, — сказал Гвади.

Васо объяснил положение труппы. Духанщик не дал договорить.

— Вон из моего дома, ни копейки не дам. Обворовали меня и еще денег хотите...

Васо извинился. Просил войти в положение. Но это не трогало скрягу. Васо сделал еще одну попытку.

— В ближайшие дни в Тифлисе мой бенефис. С'едутся со всех городов на спектакль знатные люди. Приезжай. Дам тебе билет на самое лучшее место. Получишь и удовольствие и весь долг сполна.

Услышав эти слова, духанщик призадумался. Минуту он размышлял, а потом, сменив гнев на милость, сказал:

— Пользуйтесь моей добротой. Вот пятьдесят рублей, это все. Знай, что я даю деньги потому, что люблю театр. Но помни... лучшее место и весь долг сполна...

На другой день мы покинули Н., унося с собой горькие воспоминания.

Бенефис состоялся через неделю. Мы ходили взволнованные, радостные. Зал был переполнен. За полчаса до поднятия занавеса Васо общили, что его спрашивает какой-то солидный мужчина. Сомнений не было. Это был Гвади Какауридзе. Духанщик предстал перед Васо в новой шикарной чохе. С ним была и его жена. Васо выдал ему билеты в одну из лучших лож.

— А долг? — нетерпеливо спросил Какауридзе.

Прославленный актер еще раз из-

винился и попросил подождать до окончания спектакля.

Наконец, все стихло. Подняли занавес. Гоголевский «Ревизор» впервые ставился на грузинской сцене. В роли Хлестакова выступал Васо. Духанщик скоро узнал его. Во втором действии Гвади начал толкать жену, объясняя ей что-то, жестикнул руками. Во время третьего действия Гвади ерзал в кресле и еще энергичнее махал руками. Духанщик не сводил глаз с Васо, следил за каждым его движением.

И еще не успели опустить занавес, как в уборную Васо раз'яренный, весь в поту вбежал Гвади. Потрясая кулаками, духанщик громовым голосом произнес:

— Нет, дорогой! Я тебе больше не верю. Теперь я знаю, чем ты занимаешься. Ты у всех берешь деньги, всех обманываешь, а потом садишься в дрожки и уезжаешь... Но меня не проведешь. Я не из таких! Верни долг сейчас же! Не заставляй звать полицию!

Актеры, услышав шум, собрались у дверей уборной Васо. Оттуда слышались гневные слова Гвади. Поняв в чем дело, мы долго не могли притти в себя от хохота. Увидев нас, Гвади вложил в бумажник полученный от Васо долг и, не прощавшись, уехал.

— Вот каков этот любитель театра, — окончил рассказ актер.

А. СТАФИЛОВ.